

С.И. Чудинов

Динамика и модификация идеологического дискурса радикально-салафитских...
Minbar. Islamic Studies. 2024;17(4): 909-928

DOI 10.31162/2618-9569-2024-17-4-909-928

УДК 140.8:316.35

Original Paper

Оригинальная статья

Динамика и модификация идеологического дискурса радикально-салафитских онлайн-сообществ¹

С.И. Чудинов^{1а}

¹Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики (СибГУТИ), г. Новосибирск, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3958-0383>, e-mail: shkola-mysli@mail.ru

Резюме: Статья посвящена анализу дискурсивной репрезентации салафитских онлайн-сообществ в российских социальных сетях, что является недостаточно исследованной, но актуальной проблематикой. Несмотря на усиления ограничений в российском сегменте интернета в отношении экстремистских материалов и радикального контента, радикально-салафитские сообщества адаптировали свой дискурс и сумели сохранить свое присутствие в социальных сетях. Цель исследования заключается в идентификации наиболее активных радикально-салафитских сообществ в социальной сети «ВКонтакте» и выявлении особенностей модификации салафитского дискурса, происходившей в течение 2023–2024 гг., (при сравнении с предыдущими результатами мониторинга). В качестве эмпирической базы исследования используются данные (посты и сетевые метрики, отражающие востребованность постов) почти двух десятков онлайн-сообществ. Выделяются основные характерные нарративы и отличия в дискурсе между тремя видами салафитских сообществ, которые были классифицированы по степени радикальности контента.

Ключевые слова: онлайн-салафизм; исламизм; радикальные виртуальные сообщества; экстремизм; социальная сеть «ВКонтакте»

Для цитирования: Чудинов С.И. Динамика и модификация идеологического дискурса радикально-салафитских онлайн-сообществ. *Minbar. Islamic Studies*. 2024;17(4):909–928. DOI: 10.31162/2618-9569-2024-17-4-909-928

¹ Статья подготовлена в рамках НИР по Госзаданию № 071-03-2024-008 от 19.01.2024.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

S.I. Chudinov

Dynamics and modification of the ideological discourse of online radical Salafi communities
Minbar. Islamic Studies. 2024;17(4): 909-928

Dynamics and modification of the ideological discourse of online radical Salafi communities²

S.I. Chudinov^{1a}

¹Siberian State University of Telecommunications and Information Science, Novosibirsk, the Russian Federation

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3958-0383>, e-mail: shkola-mysli@mail.ru

Abstract: The article considers the problem of the discursive representation of online Salafi communities in Russian social networks, which comes as a seldom-studied but rather relevant issue. Despite the increasing restrictions in the Russian-speaking Internet regarding extremist materials and radical content, radical Salafi communities have adapted their discourse and managed to maintain their presence on social networks. The purpose of the study is to identify the most active radical Salafi communities on VKontakte and to find out modification of Salafi discourse during the period between the 2023 and 2024 compared with the results of the previous research. The empirical base of the study is represented with the data (posts and network metrics reflecting the popularity of the content) from almost two dozen online communities. The study classifies Salafi communities into three types according to the degree of content radicalism. It discovers the main characteristic narratives and differences in the Salafi communities' discourse.

Keywords: online Salafism; Islamism; radical virtual communities; extremism; VKontakte

For citation: Chudinov S.I. Dynamics and modification of the ideological discourse of online radical Salafi communities. *Minbar. Islamic Studies*. 2024;17(4):909–928. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2024-17-4-909-928

Введение

Социально-гуманитарный анализ виртуальных сообществ выступает актуальным направлением современных исследований радикализма и экстремизма в связи с активной цифровизацией социально-деструктивных движений политического и квазирелигиозного характера. Исламистские онлайн-сообщества способствуют деформации традиционных исламских представлений о духовных принципах ислама, его социальном учении и установках по взаимоотношению с другими ценностными и культурными системами. Их распространение в социальных сетях несет потенциальную опасность усиления индоктринации радикальных идей средствами цифровых медиа. Как отмечают

---

² The article was prepared within the framework of a research on State Assignment No. 071-03-2024-008 dated 01.19.2024.

эксперты, радикализация потенциальных членов джихадистских группировок уже давно приобрела характер процесса двойной социализации, проходящей как в оффлайн, так и в онлайн-режимах [1, с. 52]. При этом некоторые исследователи уже вводят понятие «салафитской онлайн экосистемы», что указывает на многоуровневую и разнообразную структуру медиаресурсов исламистских движений [2; 3].

Одним из наиболее активных течений в русскоязычном сегменте интернета выступает современный салафизм, который обычно подразделяется на умеренное и радикальное течения. Второе, как правило, связывается с большей степенью политизации религиозно-идеологических убеждений салафитов. К примеру, М. Муртазин подразделяет салафизм на религиозный (деятельность которого сводится к религиозной проповеди и образованию, противостоящим традиционным формам религиозной мусульманской культуры), а также политический и джихадистский [4, с. 164–165]. Политический салафизм (подъем которого произошел с 1990-х гг. на фоне политических конфликтов) отличается тем, что его деятельность направлена не только против «официальных религиозных структур, придерживающихся традиционных форм исповедания ислама, но и против светских властей, которые встали на сторону официального духовенства». В ходе вооруженных политических конфликтов на территории постсоветского пространства сформировалась третья форма салафизма – джихадистский салафизм, который стоит за «вооруженными нападениями и террористическими действиями» [4, с. 165].

Западный исламовед К. Викторовиц предложил классификацию салафитских течений в глобальном контексте. В ней также представлены три формы салафизма, но описаны они другими терминами. «Пуристы» концентрируют свои интересы на ненасильственных методах пропаганды и религиозном образовании. «Политики» делают упор на внедрении салафитского вероучения в политическую сферу и законодательство. Джихадисты отличаются от представителей двух других форм салафизма наиболее воинственной позицией и приверженностью к насильственным методам борьбы [5, с. 208].

Таким образом, в представленных выше классификациях салафиты подразделены на различные течения по критерию предпочитаемых методов деятельности и внедрения в социальную практику религиозно-идеологических установок. Что касается различия салафитов в области вероучения, религиозных и политических взглядов, то классификации приобретают более сложный

характер. К примеру, доктор Йасир Кады (Великобритания) предложил классификацию из семи групп салафитов (включая такие течения, как саудовское салафитское течение, последователи шейха аль-Албани (1914–1999), мадхализм, такфиристы, джихадисты и др.) [6, с. 251]. При этом следует отметить, что, несмотря на большое разнообразие салафитских групп и течений, идейно-теоретические источники салафизма, как правило, восходят к единому корню – наследию средневекового ученого Ибн-Таймийи (1263–1328) и основателя ваххабизма Мухаммаду ‘Абд-аль-Ваххабу (1703–1792) [6, с. 249–250].

Салафитские сообщества в российских социальных сетях, включая последователей радикальных течений, довольно слабо исследованы и редко становятся предметом «цифровой социологии» и социально-гуманитарного анализа. Среди исследований недавних лет можно привести примеры только нескольких публикаций по данной проблематике. Они посвящены социально-сетевому анализу и анализу контента исламистских групп в российской социальной сети «ВКонтакте» [7; 8], а также компаративному анализу онлайн-сообществ праворадикалов и радикальных салафитов [9; 10]. Учитывая, что аналитических центров, которые на регулярной основе занимаются мониторингом подобных онлайн-групп, крайне мало, отслеживание тенденций в развитии онлайн-салафизма и радикальных религиозно-политических идеологий представляется актуальной, но не решенной до сих пор задачей.

В представленном исследовании освещаются результаты мониторинга и анализа дискурса радикально-салафитских сообществ в российских социальных сетях на примере крупнейшей платформы – «ВКонтакте». Как показывают данные разных периодов мониторинга деструктивного контента и радикального дискурса, цифровая аудитория, интересующаяся различными течениями исламизма и салафизма, не склонна к уменьшению, несмотря на разгром так называемого «Исламского государства» (ИГ, ИГИЛ) (запрещенная террористическая организация в Российской Федерации) и значительное снижение интенсивности целой «империи» медиа-ресурсов, связанных с данной организацией. Разрозненные радикально-салафитские группы, ориентирующиеся на различных идеологов (в основном представляющих саудовскую версию салафизма), устойчиво сохраняются в самой популярной российской социальной сети.

Экспансия радикального салафизма в цифровой среде создает серьезную проблему в контексте укрепления религиозной культуры традиционного исла-

ма и национальной безопасности. Начиная с 2012 года поэтапное ужесточение контроля над российским интернетом, повышение ответственности за распространение запрещенного, в том числе экстремистского и террористического контента, привели к работе механизма блокировки наиболее радикальных ресурсов и «выдавливанию» сообществ, которые напрямую аффилированы с запрещенными экстремистскими и террористическими движениями исламистской направленности. В свою очередь радикально-салафитский дискурс не только сохранил свое присутствие, успешно адаптировавшись к жестким ограничениям, но приобрел новые завуалированные формы репрезентации. Во «ВКонтакте» по-прежнему обнаруживаются радикально-салафитские виртуальные группы, способные включать в свои ряды десятки, а иногда и сотни тысяч пользователей. Как показывают данные мониторингов, за последние пять лет данная аудитория представлена в большей степени молодежью – возраст основной массы участников сообществ варьируется от 18 до 29 лет [9; 7, с. 876].

В исследовании была поставлена цель идентификации наиболее активных радикально-салафитских сообществ в социальной сети «ВКонтакте» и выявлении особенностей модификации салафитского дискурса, которые происходили в течение 2023–2024 гг. (при сравнении с предыдущими результатами мониторинга).

Задачи исследования имели следующий характер:

1) создание списка функционирующих в социальной сети «ВКонтакте» салафитских сообществ, сбор и обработка данных (посты, метрические показатели, отражающие степень востребованности опубликованных материалов онлайн-аудиторией);

2) ранжирование салафитских онлайн-сообществ по степени радикальности транслируемого дискурса и исследование особенностей дискурса этих сообществ на текущем этапе их развития;

3) выявление тенденций в области динамики радикально-салафитского дискурса.

Материалы и методы

На первой стадии исследования была поставлена задача - поиск и идентификация сообществ, распространяющих радикальный салафитский дискурс, или предположительных симпатизантов экстремистских и террористических организаций исламистов (в том числе джихадистской направленности). Для

решения этой задачи был актуализирован ранее использовавшийся перечень исламистских сообществ (активных в 2021–2022 гг.). В ходе проверки были отсеяны те сообщества, которые перестали публиковать посты или прекратили свою деятельность по другим причинам (блокировка и др.). В списке были оставлены только те сообщества, которые в период мониторинга (ноябрь 2023 г. – март 2024 г.) сохраняли активность: публиковали хотя бы несколько постов в месяц. Далее данный перечень был значительно расширен за счет поиска дополнительных сообществ. Для этого использовался метод «снежного кома» – анализировались рекомендуемые ссылки на родственные сообщества в уже идентифицированных группах, сетевые связи с другими сообществами. Кроме того, происходил поиск новых сообществ по ключевым терминам, свойственным салафитскому дискурсу (таким как «салафы», «салафитский», «манхадж» и др.). В результате в перечень виртуальных сообществ были включены 35 групп. После чего было осуществлена вторичная экспертная проверка сообществ (предварительный дискурс-анализ), после которого в списке было оставлено только 18 сообществ. Критерии селекции были следующие: наличие устойчивых салафитских нарративов; актуальный статус (продолжение активности сообщества в период проведения исследования); достаточный для анализа контент (не менее 50 постов за период мониторинга).

Вторая стадия исследования предполагала выгрузку данных и определение сегмента контента, который должен был стать эмпирической базой для подробного анализа дискурса, продуцируемого и распространяемого салафитскими сообществами. Через сервис API на социальной платформе была осуществлена выгрузка текста всех постов за период мониторинга, метрические показатели востребованности постов у онлайн-аудитории. После этого данные по постам каждого сообщества были структурированы по количеству лайков.

На третьей стадии в контенте сообществ (по объему он может варьироваться от 65 постов до более 800 постов) был выделен сегмент наиболее популярных постов у целевой аудитории. Для этого в каждом сообществе были зафиксированы 10 наиболее популярных постов по трем метрикам (наибольшее количество лайков, репостов и комментариев). В итоге по каждому сообществу была составлена таблица с 30 наиболее популярными постами. По некоторым сообществам количество постов оказалось меньше 30 из-за отсутствия комментариев в сообществе (деактивация данной опции со стороны администраторов или же низкая активность пользователей).

С.И. Чудинов

Динамика и модификация идеологического дискурса радикально-салафитских...
Minbar. Islamic Studies. 2024;17(4): 909-928

На четвертой стадии исследования был осуществлен анализ особенностей транслируемого дискурса и проведена попытка выделения ключевых тенденций в модификации радикально-салафитского дискурса, изменении дискурсивных стратегий за последние пять лет (при сравнении полученных результатов с ранее проводившимися мониторингами и анализом дискурсивных практик салафитских сообществ в 2016–2017 гг., 2019–2020 гг., 2021–2022 гг. – в рамках исследовательских проектов Центра прикладного анализа данных Томского государственного университета).

Все идентифицированные в качестве салафитских онлайн-сообщества были классифицированы на три вида по уровню радикальности идеологических установок (табл. 1). Степень радикальности распространяемого сообществом идеологического дискурса определялась в соответствии с критериями методики Д. Холбрука [11], нацеленной на выявление экстремистского контента радикально-салафитского и праворадикального характера. Первый уровень контента называется «умеренным» и подразумевает преимущественно «молчаливое недовольство» культурными и ценностными установками социума, без выражения моральной поддержки насилию по мотивам ненависти (к конкретным этносоциальным и конфессиональным группам). Второй уровень радикальности Холбрук обозначает в качестве «пограничного», т.е. переходного от умеренных «оппозиционных» установок к радикальным идеологическим установкам. В данном случае внутри сообщества культивируется изоляционизм (сегрегация от внешнего по отношению к группе социального окружения), а также в нарративах сообщества присутствуют проявления ненависти и вражды к конкретным (социальным или конфессиональным) группам. При этом открытые призывы к насилию и стремление к унижению человеческого достоинства по признаку принадлежности к социальной группе не обнаруживаются. Третий уровень радикальности, который исследователь определяет как «экстремальный» (что фактически приравнивается к понятию «экстремистский») подразделяется на три подуровня и фиксируется в случае прямых призывов к насилию (в отношении комбатантов на первом подуровне, гражданского населения или не обозначенной точно цели (неизбирательное насилие) в случае второго и третьего подуровней), унижения достоинства идеологических «противников» (которые оцениваются в качестве «недочеловеков») [11, с. 67].

Адаптируя данную классификацию к случаю радикально-салафитских онлайн-сообществ в российских социальных сетях, мы посчитали возможным ее использовать с той поправкой, что третий уровень мы предпочли наименовать «радикальный», учитывая, что во «ВКонтакте» (как, впрочем, и в других российских социальных сетях) открытые призывы к насилию со стороны религиозно-политических радикалов давно не обнаруживаются. При этом следует учесть, что пограничные и радикальные салафитские сообщества отличаются от умеренных онлайн-салафитов склонностью к такфиризму, более враждебным отношением к оппонентам и «врагам» (включая явную пропаганду ненависти и вражды как религиозных обязанностей), косвенными призывами к насилию в отношении последних.

Таблица 1. / Table 1.

Список салафитских онлайн-сообществ
The List of online Salafi communities

Наименование сообщества	Уровень радикализма	Кол-во участников (июнь 2024)	Идеологическое направление
® assalamu ale'kum	Умеренный	242 752	Мадхализм
Блокнот Единобожника	Пограничный	111 041	Саудовский салафизм
Сады Мудрости	Умеренный	110 330	Саудовский салафизм? (цитируются в основном средневековые салафитские источники – Ибн-Таймийя, Ибн-аль-Кайим и др.)
إن الدين عند الله الإسلام 3:19	Пограничный	65 425	Политизированный (ихванизированный) салафизм ³ (шейх Халид аль-Фуляйдж, шейх 'Абд-уль-Азиз ат-Тарифи и др.); северокавказские салафитские идеологи (Надыр Абу-Халид)
К Единобожию	Умеренный	45 541	Саудовский салафизм; Абу-Яхья Крымский (мадхализм)

³ Ихванизированные салафиты – испытавшие влияние идеологии «Братьев-мусульман» (международное террористическое движение, запрещенное на территории Российской Федерации).

Ханифия	Умеренный	38 231	Саудовский салафизм
Этика требования знаний	Умеренный	36 635	Саудовский салафизм; Салим Абу-'Умар аль-Газзи
Конспекты для ищущих знания	Пограничный	43 231	Саудовский салафизм; северокавказские салафитские идеологи (Абу-Джабир Муцалаулский)
Ahlu Sunnah Wal' Jama'a Fatwa Online	Пограничный	29 152	Саудовский салафизм; северокавказские салафитские идеологи (Абу-Джабир Муцалаулский)
TAUHID_ التوحيد	Пограничный	26 765	Цитируются в основном средневековые салафитские источники – Ибн-Таймийя, Ибн-аль-Кайим и др. Визуальные маркеры ориентации на идеологию ИГ
زهد	Пограничный	18 421	Мадхализм
исцеления сердец	Пограничный	15 402	Саудовский салафизм
«ASH-SHAMS»	Радикальный	11 580	Саудовский салафизм (шейх аль-Албани)
Guraba	Радикальный	10 821	Политизированный салафизм. Ориентация на поддержку Хамас
FAWA'ID	Пограничный	8 549	Саудовский салафизм
هائم	Радикальный	6 268	Саудовский салафизм
Vabil	Пограничный	6 183	Саудовский салафизм
"INTISOAR"	Радикальный	512	Саудовский салафизм (шейх Хамад ибн 'Атик); северокавказский салафизм (Надыр Абу-Халид) Предположительная ориентация на идеологию ИГ

При осуществлении контент- и дискурс-анализа материалов, опубликованных в онлайн-сообществах салафитов, мы придерживались методологических рамок, заданных школой критического дискурс-анализа. Данный подход

ранее уже апробировался другими исследователями при анализе салафитского контента [12]. Его суть сводится к восприятию транслируемого сообществами идеологического дискурса как «формы социальной практики» [13, с. 7], следовательно, интерпретация текста выходит за рамки лингвистического анализа и нацеливается на выявление таких структурирующих компонентов, как ведущие темы, нарративы, дискурсивные стратегии пропаганды религиозных и политических убеждений и позиций.

Классификация онлайн-сообществ и степень радикальности идеологического дискурса

В список радикально-салафитских сообществ вошли группы, которые были подразделены на три категории по степени радикальности транслируемого дискурса: умеренные, пограничные и радикальные. К первой категории было отнесено 27% сообществ (пять групп). Их отличает умеренный салафитский дискурс (концентрирующийся на религиозной тематике и пропаганде салафитских установок в области вероучения и нравов «нормативного» мусульманина) и более широкая аудитория (составляет от 36 тыс. до 242 тыс. подписчиков). Уровень радикальности дискурса в некоторых сообществах связан с принадлежностью к течениям салафитов, которые декларируют отказ от насильственных методов и критикуют джихадистские движения. К примеру, в качестве такого течения выступает мадхализм (последователи саудовского идеолога Раби'а аль-Мадхали). По косвенным признакам самое крупное умеренное сообщество предположительно идентифицируется в качестве адептов мадхализма. Сообщество с наименьшей охватываемой онлайн-аудиторией (36 тыс. подписчиков) ориентировано на идеологию известного на постсоветском пространстве проповедника салафизма Салима Абу-'Умара аль-Газзи.

Следует отметить, что подобные салафитские сообщества строго придерживаются тактики адаптации к правилам ограничения экстремистского и деструктивного контента, которая нацелена на максимальную мимикрию транслируемого дискурса под умеренный и традиционный ислам. С этой целью основной публикуемый материал затрагивает максимально нейтральные и неполитизированные темы – призыв к укреплению веры и благочестия, описание нравов и нормативных моральных качеств мусульманина, этики семейных отношений, темы поста и молитвы (в основном в ракурсе нравственных наставлений) и пр. Причастность распространяемого дискурса к радикально-

С.И. Чудинов

Динамика и модификация идеологического дискурса радикально-салафитских...
Minbar. Islamic Studies. 2024;17(4): 909-928

салафитской идеологии определяются, как правило, лишь по косвенным признакам или отдельным постам, которые явно выдают идеологические убеждения администраторов.

Почти половину идентифицированных в качестве салафитских сообществ в списке заняли пограничные сообщества (50%, или девять сообществ), которые отличаются наличием радикальных компонентов в транслируемом религиозно-политическом дискурсе.

Ведущие нарративы дискурса пограничных групп ассоциированы с темами нововведений и «нововведенцев» в религии. В расплывчатую категорию «нововведенцев» включаются последователи таких традиционных для российского ислама богословских школ и течений, как ашаризм (в том числе матуридизм), суфийские тарикаты. При этом последние в критикующих постах не различаются, но объединяются в категории «суфизм», «суфисты» или же обозначаются термином с пейоративной коннотацией «могилопоклонники» (кубуриты), что указывает на критическое отношение к практике обращения к Аллаху посредством святых и пророков (тавассуль). Степень радикальности сообществ различается по установкам в отношении «нововведенцев» – от осуждения и ограничения контактов до запрета даже здороваться с ними, а также пропаганды установки проявлять ненависть и вражду в качестве религиозной обязанности (концепция аль-валя' ва-ль-бара').

Другая линия радикального дискурса связана с критикой светских праздников. На первом месте среди объектов критики стоит широко отмечаемый в России Новый год. Во многих сообществах критике Нового года посвящены целые серии постов. В одном из сообществ с радикальным контентом, идеологически ориентированным на палестинскую партию Хамас⁴, можно встретить пост, в котором говорится, что единственный человек в красной шапке, которого должны знать мусульманские дети, – это Абу Убейда⁵ (имеется в виду представитель боевого крыла Хамас, публичный облик которого отличает палестинская куфия с узором красного цвета).

⁴ Хамас – радикальное палестинское движение, которое идеологически противостоит ваххабизму. Оно было создано в рамках движения «Братьев-мусульман» (международное террористическое движение, запрещенное на территории Российской Федерации). Часть салафитского сообщества (в особенности политизированного) может поддерживать Хамас в плане вооруженного сопротивления на оккупированных палестинских землях.

⁵ Абу-'Убайда – прозвище сподвижника Пророка Мухаммада, одного из военачальников мусульман. Было заимствовано Хамас для наименования своего спикера.

Среди светских праздников, которые отвергаются как праздники неверных, иногда упоминается Международный женский день. В одном из сообществ с радикальным контентом этот праздник ассоциирован с агитационной кампанией Худжум, которая стартовала 8 марта в 1927 году в Узбекистане (несмотря на то, что исторические истоки праздника восходят к более ранним событиям начала XIX в.). В этот день в массовом порядке узбекские женщины, агитируемые советской властью к раскрепощению, стали снимать паранджу и публично избавляться от нее. Автор поста довольно негативно оценивает результаты этой кампании, утверждая, что «в этот день десятки тысяч женщин потеряли честь, предали религию, и на сегодня этот день называют праздником».

Критическое отношение к светским праздникам могут проявлять и традиционно настроенные мусульмане, однако салафитам свойственна особо непримиримая позиция. Через критику светских праздников в частично завуалированной форме проводится индоктринация исламистских идей по жесткому социальному отделению «истинных мусульман» («единобожников», «муваххидов») от мира неверующих («кяфилов») и мусульман, якобы впавших в ширк или куфр, ставших еретиками или безбожниками («зындиками» и «бид'атчиками»), отступниками веры и даже «мушриками» (идолопоклонниками). Таким образом, в более скрытой форме здесь может проводиться пропаганда экстремистской по своему духу доктрины «дружбы и непричастности» (аль-валя' ва-ль-бара'), которая в открытой форме распространяется в радикальных группах.

Еще один из компонентов радикально-салафитского дискурса – это нарратив о «чуждости» ислама и последователя салафизма современному обществу. Последнее в той или иной степени сравнивается с джахилией (состоянием языческого невежества) доисламского общества. Лингвистическое выражение этого нарратива неявным образом переплетается с визуальной репрезентацией темы экзистенциального одиночества человека, что выражается в чрезвычайной распространенности различных образов одиноких природных и искусственных объектов (дома, строения, предметы быта и пр.), а также человека (как правило, в виде силуэта или изображения, частично «размытого» на фоне дали).

К радикальным сообществам (предположительно связанным с экстремистскими и террористическими движениями) было отнесено 22% групп (че-

С.И. Чудинов

Динамика и модификация идеологического дискурса радикально-салафитских...
Minbar. Islamic Studies. 2024;17(4): 909-928

тыре сообщества). К данному виду сообществ относятся группы с аудиторией от 500 до 11 тыс. подписчиков. При этом проявляется та же закономерность, отмеченная ранее: чем крупнее сообщество, тем более завуалированный радикальный дискурс оно распространяет. Самое крупное сообщество из данной категории внешне транслирует умеренный салафитский контент. Однако его уникальность заключается в том, что это сообщество – одно из функционирующих рекордно длительный период, особенно учитывая степень его радикальности (существует с июля 2015 года, избежав блокировок). Несколько лет назад в данном сообществе размещались посты, которые выдавали идеологическую ориентацию его администратора(ов) на запрещенное в России международное террористическое движение ИГ (ИГИЛ). Ныне на идейную связь косвенно указывает только аватара группы (и серия мемов в альбоме изображений сообщества), которая содержит элемент флага ИГ.

Более откровенные формы радикального дискурса мы обнаруживаем в меньших по охвату аудиториях и, как правило, более молодых сообществах. К примеру, группа с аудиторией более 6 тыс. подписчиков демонстрирует контент, не свойственный ранее приведенным примерам салафитских сообществ (только в наиболее радикальных постах второй категории салафитских сообществ можно найти близкие темы). В данном сообществе напрямую, без цитирования салафитских ученых прошлого и современности, сформулировано обращение к аудитории (для тех, «кто заботится о положении своей религии») держаться подальше от «кафиров, мунафиков и фасиков» (неверных, «лицемеров» и грешников). Открыто пропагандируется доктрина «о дружбе и непричастности» (цитируются слова основателя ваххабизма о том, что тот, кто не проявляет любви к «приверженцам Таухида», с одной стороны, и не проявляет ненависти к «приверженцам нововведений и заблуждений», с другой стороны, тем самым «разорвал крепкий узел Ислама»). В данном нарративе следует обратить внимание на повышение градуса радикализма – обычно радикальные и экстремистские течения исламизма настаивают на проявлении ненависти и вражды в отношении немусульман (кяфилов), тогда как в данной цитате транслируемая установка направляется на более размытую группу «приверженцев нововведений и заблуждений» и в первую очередь на своих же единомышленников (последователей других религиозно-правовых школ, течений ислама, отличающихся от вероубеждений радикальных салафитов). Хотя стоит оговориться, что и в первом случае (когда объект ненависти определен как «кяфиры», т.е.

внешние социальные группы) в исламистских идеологических конструкциях, как правило, планка признания верующего настоящим мусульманином значительно повышается и категория кяфира как внешнего врага, по сути, смешивается с внутренним врагом общины – теми, кто практикует ислам не в полном объеме, с искажениями и «нововведениями» (в эту категорию записывают всех идейных противников и последователей других течений ислама, в первую очередь отрицающих радикально-салафитское прочтение ислама). Данный показатель указывает на значительную радикализацию категорий ислама и фиксирует наличие устойчивого радикального религиозно-политического дискурса.

Динамика и адаптация радикального салафитского дискурса к ограничениям в социальных сетях

Стоит подчеркнуть, что более радикальные посты встречаются также и в сообществах второй категории (пограничные сообщества). При этом необходимо обратить внимание на явную закономерность коммуникационного процесса в цифровой салафитской среде, где циркулируют радикальные формы религиозно-политического дискурса: потребители более радикального контента составляют безусловное меньшинство. Это заметно как по совокупной охваченности онлайн-аудитории трех сегментов радикально-салафитских сообществ, так и по популярности отдельных наиболее радикальных постов в сообществах различных категорий.

Совокупная аудитория виртуальных салафитских сообществ в социальной сети «ВКонтакте» составляет 826 тыс. человек (это приблизительная численность, не учитывающая факт, что один и тот же пользователь может состоять в нескольких сообществах одновременно, что может выявить только специальное исследование с применением метода социально-сетевого анализа). Если сравнивать пропорции аудитории различных сегментов салафитских сообществ, то мы приходим к выводу, что несмотря на то, что большая ее часть вовлечена в процесс потребления и трансляции контента умеренных салафитских сообществ (473 тыс. пользователей), онлайн-аудитория групп, которые были идентифицированы в качестве пограничных, также велика (324 тыс.). Аудитория радикальных сообществ значительно меньше двух предыдущих – она составляет только 3,5% (29 тыс. пользователей).

Что касается особенностей распространения радикального салафитского дискурса, следует отметить, что наиболее радикальные посты практически

С.И. Чудинов

Динамика и модификация идеологического дискурса радикально-салафитских...
Minbar. Islamic Studies. 2024;17(4): 909-928

неизменно попадают в категорию с низкой востребованностью у онлайн-аудитории виртуальных сообществ. К ним относятся: содержащие явные признаки языка вражды в отношении социально-политических и религиозных групп, которые воспринимаются как враги радикально-салафитского сообщества; пропагандирующие компоненты религиозно-идеологического дискурса, которые наиболее близки экстремистскому мировосприятию (пропаганда установок ненависти и вражды в отношении несумульман и несалафитов в качестве религиозной обязанности салафитов) и др. Наиболее популярными постами и мемами в виртуальных салафитских группах выступают, как правило, имеющие нейтральную или позитивную эмоционально-смысловую тональность: это призывы к духовному совершенствованию на религиозном пути, укреплению веры, тема высокой значимости и конкретных достижений в религиозном образовании, темы искренней любви и гармоничных отношений между мужем и женой и др. В некоторых радикальных сообществах на первое место в силу актуальности и высокого общественного резонанса выходит только одна политизированная тема – выражение сострадания и призывы духовной и моральной поддержки в адрес Палестины в условиях проводимой Израилем длительной военной кампании на территории Газы (иногда эта тема переходит в прямую поддержку движения сопротивления и радикальной партии Хамас, но в таком случае подобные посты уже занимают сегмент постов со средней степенью востребованности).

Следует также отметить, что радикально-салафитские сообщества умело используют тактику адаптации под ограничения цензуры и правил размещения контента в социальных сетях, которые запрещают публиковать откровенно призывающие к насилию, возбуждающие межнациональную и межконфессиональную рознь или вражду в отношении социальных, конфессиональных и иных групп, пропагандирующие экстремизм, терроризм или оправдывающие террористические акты. Сообщества, которые осуществляют информационную поддержку экстремистским/террористическим организациям или лицам, официально признанным в России причастными к экстремистской деятельности или терроризму, реализуют наиболее завуалированные формы ведения информационной войны и распространения деструктивного контента. К примеру, ресурсы во «ВКонтакте», непосредственно аффилированные с «благотворительными» структурами Абу-‘Умара Саситлинского (Исраил Ахмеднабиев, включен в «Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых

имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму»), когда они были активны (с февраля 2016 до октября 2019 г.), представляли контент, исключительно связанный только с благотворительной деятельностью идеолога радикального салафизма в Африке. Довольно быстро данные информационные ресурсы во «ВКонтакте» (после всплеска в 2016 г.) перестали обновляться, а уже открыто экстремистский дискурс стал транслироваться на таких платформах, как YouTube, Instagram (социальная сеть, запрещенная в России в качестве экстремистской) и мессенджер с элементами социальной сети Telegram. Огромное количество видеороликов с проповедями Саситлинского и его соратников были размещены за несколько лет на платформе YouTube, которая не контролируется российскими государственными органами, осуществляющими надзор за запрещенными материалами и деструктивным контентом в сети Интернет.

Заключение

Радикально-салафитские онлайн-сообщества не представляют собой единообразия, несмотря на наличие некоторой единой основы деструктивного дискурса (комплекса нарративных линий), который они транслируют в социальных сетях. Они значительно различаются по аудитории, которая возрастает, как правило, по мере уменьшения степени радикализма дискурса и увеличения завуалированности его радикальных нарративов. Онлайн-сообщества салафитов ориентируются на различных идеологов и принадлежат разнообразным течениям, которые зачастую вступают в идеологическое противоборство друг с другом (помимо ведения информационно-идеологической борьбы с традиционными течениями ислама). При этом по степени радикализма транслируемого дискурса виртуальные сообщества салафитов можно подразделить на три категории – группы с относительно умеренным дискурсом (за которым могут скрываться тщательно завуалированные радикальные установки в области решения религиозных вопросов, в особенности вопроса о признаках неверия и условий отлучения от мусульманской общины); пограничные сообщества и радикальные группы. Среди радикальных онлайн-групп наиболее агрессивный дискурс характерен для тех, кто предположительно находится под влиянием террористического движения ИГ, а также исламистских сообществ, отвергающих саудовский салафизм (и осуществляющих информационную поддержку деятельности радикального палестинского движения Хамас). Несмотря на то,

что за последние годы степень радикальности дискурса, транслируемого в радикально-салафитских группах, снизилась, общая совокупная аудитория подобных ресурсов в социальных сетях не имеет тенденции к уменьшению. Кроме того, важно отметить, что виртуальное пространство наиболее популярной российской социальной сети («ВКонтакте») активно используется для более «мягких» форм репрезентации деструктивного контента и радикального дискурса салафитскими сообществами, тогда как контент, который может быть оценен как экстремистский и связанный с реально действующими экстремистскими/террористическими движениями, представлен в интернет-ресурсах, которые не регулируются или лишь частично регулируются государственными надзорными органами Российской Федерации.

Литература

1. Ducol B. Uncovering the French-speaking Jihadisphere: An Exploratory Analysis. *Media, War & Conflict*. 2012;5(1):51–70. DOI:10.1177/1750635211434366
2. Ayad M. *Islamogram: Salafism and Alt-Right Online Subcultures*. London: Institute for Strategic Dialogue (ISD); 2021. [Electronic source]. Available at: <https://www.isdglobal.org/wp-content/uploads/2021/11/Islamogram.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).
3. Guhl J., Comerford M. *Understanding the Salafi Online Ecosystem: A Digital Snapshot*. London: Institute for Strategic Dialogue (ISD); 2021. [Electronic source]. Available at: <https://www.isdglobal.org/wp-content/uploads/2021/11/Snapshot-study.pdf> (дата обращения: 01.10.2024).
4. Муртазин М. Салафитский дискурс на постсоветском пространстве. *Россия и новые государства Евразии*. 2019;IV(XLV):157–169. DOI: 10.20542/2073-4786-2019-4-157-169
5. Wiktorowicz Q. Anatomy of the Salafi Movement. *Studies in Conflict & Terrorism*. 2006;29:207–239. DOI: 10.1080/10576100500497004
6. Шагавиев Д.А. *Исламские течения и группы: Учебное пособие*. Казань: Казанский федеральный университет; 2015. 336 с.
7. Myagkov M., Chudinov S.I., Kashpur V.V., Goiko V.L., Shchekotin E.V. Islamist Communities on VKontakte: Identification Mechanisms and Network Structure. *Europe-Asia Studies*. 2020;72(5):863–893. DOI: 10.1080/09668136.2019.1694645
8. Барышев А.А., Кашпур В.В., Чудинов С.И. Российские салафитские онлайн-сообщества: текстуальные и визуальные аспекты дискурса

и транслируемые медиаобразы. *Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология*. 2022;65:192–212. DOI: 10.17223/1998863X/65/18

9. Myagkov M., Shchekotin E.V., Chudinov S.I., Goiko V.L. A comparative analysis of right-wing radical and Islamist communities' strategies for survival in social networks (evidence from the Russian social network VKontakte). *Media, War & Conflict*. 2020;13(4):425–447. DOI: 10.1177/1750635219846028

10. Müller P., Harrendorf S., Mischler A. Linguistic Radicalisation of Right-Wing and Salaf Jihadist Groups in Social Media: a Corpus-Driven Lexicometric Analysis. *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2022;28:203–24. DOI: 10.1007/s10610-022-09509-7

11. Holbrook D. Designing and Applying an 'Extremist Media Index'. *Perspectives on Terrorism*. 2015;9(5):57–68. [Electronic source]. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26297434> (дата обращения: 01.10.2024).

12. Abdulmajid A. Salafi-Influencers: Analytical Study of the Discourse of Neo-Salafi Preachers on Social Media. *Living Islam: Journal of Islamic Discourses*. 2023;6(2):51–69. DOI: 10.14421/lijid.v6i2.4489

13. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language*. New York: Routledge; 2010. 265 p.

References

1. Ducol B. Uncovering the French-speaking Jihadisphere: An Exploratory Analysis. *Media, War & Conflict*. 2012;5(1):51–70. DOI: 10.1177/1750635211434366

2. Ayad M. *Islamogram: Salafism and Alt-Right Online Subcultures*. London: Institute for Strategic Dialogue (ISD); 2021. [Electronic source]. Available at: <https://www.isdglobal.org/wp-content/uploads/2021/11/Islamogram.pdf> (Accessed: 01.10.2024)

3. Guhl J., Comerford M. *Understanding the Salafi Online Ecosystem: A Digital Snapshot*. London: Institute for Strategic Dialogue (ISD); 2021. [Electronic source]. Available at: <https://www.isdglobal.org/wp-content/uploads/2021/11/Snapshot-study.pdf> (Accessed: 01.10.2024)

4. Murtazin M. Salafitckiy diskurs na postsovetskom prostranstve [Salafi Discourse in the Post-Soviet Space]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii* [Russia and the New States of Eurasia]. 2019;IV(XLV):157–169. DOI: 10.20542/2073-4786-2019-4-157-169 (In Russian)

С.И. Чудинов

Динамика и модификация идеологического дискурса радикально-салафитских...
Minbar. Islamic Studies. 2024;17(4): 909-928

5. Wiktorowicz Q. Anatomy of the Salafi Movement. *Studies in Conflict & Terrorism*. 2006;29:207–239. DOI: 10.1080/10576100500497004

6. Shagaviev D.A. *Islamskie techeniya i gruppy: Uchebnoe posobie* [Islamic movements and groups]. Kazan: Kazanskiy federal'nyy universitet; 2015. 336 p. (In Russian)

7. Myagkov M., Chudinov S.I., Kashpur V.V., Goiko V.L., Shchekotin E.V. Islamist Communities on VKontakte: Identification Mechanisms and Network Structure. *Europe-Asia Studies*. 2020;72(5):863–893. DOI: 10.1080/09668136.2019.1694645

8. Baryshev A.A., Kashpur V.V., Chudinov S.I. Rossiyskie salafitskie onlayn-soobshchestva: tekstual'nye i vizual'nye aspekty diskursa i transliruemye mediaobrazy [Russian Salafi Online Communities: Textual and Visual Aspects of Discourse and Broadcast Media Images]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. 2022;65:192–212. DOI: 10.17223/1998863X/65/18 (In Russian)

9. Myagkov M., Shchekotin E.V., Chudinov S.I., Goiko V.L. A comparative analysis of right-wing radical and Islamist communities' strategies for survival in social networks (evidence from the Russian social network VKontakte). *Media, War & Conflict*. 2020;13(4):425–447. DOI: 10.1177/1750635219846028

10. Müller P., Harrendorf S., Mischler A. Linguistic Radicalisation of Right-Wing and Salaf Jihadist Groups in Social Media: a Corpus-Driven Lexicometric Analysis. *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2022;28:203–24. DOI: 10.1007/s10610-022-09509-7

11. Holbrook D. Designing and Applying an 'Extremist Media Index'. *Perspectives on Terrorism*. 2015;9(5):57–68. [Electronic source]. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26297434> (Accessed: 01.10.2024)

12. Abdulmajid A. Salafi-Influencers: Analytical Study of the Discourse of Neo-Salafi Preachers on Social Media. *Living Islam: Journal of Islamic Discourses*. 2023;6(2):51–69. DOI: 10.14421/lijid.v6i2.4489

13. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language*. New York: Routledge; 2010. 265 p.

S.I. Chudinov

Dynamics and modification of the ideological discourse of online radical Salafi communities
Minbar. Islamic Studies. 2024;17(4): 909-928

Информация об авторе

Чудинов Сергей Иванович, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, г. Новосибирск, Российская Федерация.

About the author

Sergey I. Chudinov, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, the Head of the Department of Philosophy and History of Siberian State University of Telecommunications and Information Science, Novosibirsk, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 19 октября 2024
Одобрена рецензентами: 30 октября 2024
Принята к публикации: 15 ноября 2024

Article info

Received: October 19, 2024
Reviewed: October 30, 2024
Accepted: November 15, 2024